

Главное: Аркана 12

Структура пьес “Шекспира” стабильна: пять действий. Но откуда взялось это число и с чем оно связано?

Тарот состоит из двух половин: Больших арканов (22) и малых арканов (52). Малые арканы содержат в себе четыре масти (жезлы, мечи, чаши, пикеты); каждая масть имеет четыре картиночных карты и десять номерных – всего пять элементов. Картиночные карты это: король, дама, рыцарь, валет; масти имеют доминирующую картинку: жезлами заведует король; чашами – дама (королева); мечами – рыцарь; пикетами (динариями) – валет. Они представляют *качество*; десять номерных карт – *количество*. Картинки выстроены иерархически (по вертикали); номерные карты – порядково (по горизонтали). Количество цифр в числе определяет *порядок*. Но это не распространяется на карту с одиночным знаком, которая является пятой картинкой в масти. Их значительность подтверждена их числовым *потенциалом*; достоинство одиночной карты – одиннадцать, а название картинки – туз (ас). Как большая матрица туз вмещает в себя девять остальных; он – их матрица, мать.

Итак, перед нами – типологически – персонажи “Шекспировских” пьес и количество действий: по одному на каждого. Короли (властители, суверены) появляются сразу в первом действии (обычно); за пределами хроник наиболее ярко это представлено в «Короле Лире». “Успевшие” при раздаче Лиром королевства две старшие дочери, ставши королевами, сразу же проявляют свой змеиный характер; обездоленная младшая дочь Корделия, Деликатное сердце, выходит замуж за гостившего в Англии французского короля. Мужья первых двух, в одночасье ставшие консортами, ведут себя по-разному: герцог Олбани – позитивно, Корнуолл – негативно, не отставая от жены. Второе действие проявляет ситуацию с новоиспечёнными королевами до конца. Затем исследуется на «кто есть кто» рыцари. Шут (валет) Лира, исчезающий в третьем действии, сдаёт свои полномочия “ушедшему в юродивые” Эдгару, и сервантность исследуется в произведении тоже с максимальной тщательностью. «Штучность» Кента, являющего высшие кондиции *качественности* противопоставлена «массовкам» военных действий – тяжеловесной поступи *количеств*. Драматургическое оформление каждой из этих текстовых позиций действует на простого зрителя эмоционально, но режиссура посвящённых исследует мир идей и нравственные кондиции их носителей. Конкретные обстоятельства оживляют гностические схемы, а целое представляет собой проверку на подлин-

ность всех и вся. Весь “Шекспир” – это драматургия «гамбургского счёта», исполненная рукою гения. Рыцарственность воспевается, рыцари – россыпь конкретных носителей этого звания – исследуются не только исполнителем, но и консилиумом орденских посвящённых со всей тщательностью. «Весь мир – театр», поэтому театральные подмостки уместны для такого рода штудий. “Дикие камни” средневековой невежественности обтёсываются расцветшими в Возрождение университетами – комбинатами по переработке местечковости в *универсальность*. Весь RC проект направлен на воспевание *отёсанности*, противопоставленной “первозданности” (“девственности” по Булгакову) дикого камня. Только обработанные до состояния квадрата были способны выстраиваться в ансамбль и составлять *братство*, то есть *Собор*. Главным произведением, воспевающим эту процедуру является «Гамлет», почему эта пьеса и венчает весь комплекс. Образованность против дикости внутри рыцарского тематизма составляет его основную патетику. Знание парализует действие; принцип «не навреди» становится автопародией «не помоги вовремя» – и это серьёзнейшая буддийская апория проблемы бытия. Вмешаться – или не вмешаться: так выглядит дуаль; дикость бросалась в драку без размышлений; интеллигентность надолго погружалась в обдумывание возможных последствий. Что говорить о нас, грешных: Христос посылает учеников купить для самозащиты «два меча», а потом, в самый ответственный момент, запрещает их применение. Здесь суть парадоксальности земного. Принимать жизнь такой, какова она есть, значит мириться с тёмными пятнами негатива и черезполосицей зла. Посвящённые всегда это понимали: высшим сакраментом в Атлантиде, а потом в Древнем Египте была шкура леопарда. Пятна на солнце подтверждают мудрость этого выбора. Тянитолкай Кэрролла показывает, к чему приводит взвешивание всех *за* и *против* при решении проблем. Но *рыцарь* – это тот, кто *делает*, а не размышляет мучительно: бить – или не бить. **Проблема решается последовательно**; для этого на земле и создано *время*. Сделать *вовремя* – вот и ответ. Поэтому *драйвинг*, *навигаторское искусство* решают дело. **Вперёдсмотрящий** – единственное название для лидера. «Оглядывающийся назад не благонадежен для Царствия Небесного». Этим всё сказано.

Но есть ещё и такое качество: *осмотрительность*. Оно тоже признак величайшей мудрости. Поэтому выработалась устойчивая пара: *мудрец* и *богатырь*, Финн и Руслан. В смысле: если бы молодость знала, если бы старость могла. Динамическое равновесие, постоянно нарушаемое течением бытия. Игрушка-волчок в руках Высших Сил.

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

«Что наша жизнь? – Игра».

Пушкин подвёл итог и подставился под пулю. Пуля – дура; пулемётчик – дуралей. Пуля мудрому не укор. Просто – точка в тексте. *Finita la comedia*. Усё.¹

Роджер Потрясающий Копьём заглотал “пулю” в ранней юности; в 36 она свела его в могилу. Столько же оказалось и пьес (плюс маргинальное). Если бы не “пуля”, он наверно бы пописывал, а не писал. Человек создал труд. *Человек разумный*. За это и любим. Поэтому и не можем оторваться.

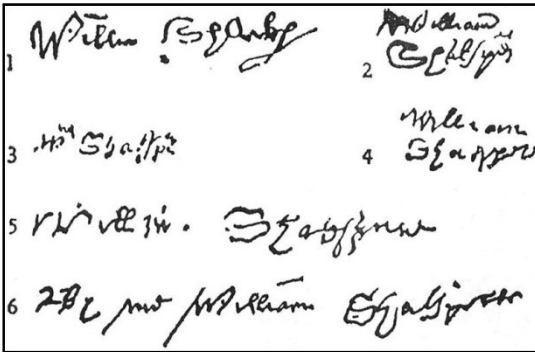
Подводим общий итог.

Сын королевы-девственницы Елизаветы – Фрэнсис был по рождении отдан на воспитание в семью Бэконов, где и был выращен. (В России такова же судьба композитора Бородина.) Получил блестящее образование, проявив незаурядные способности. Обладая многими дарованиями, задумал капитальное усовершенствование английской культуры, в частности драматургии. В 1587 году к нему был отдан на обучение одиннадцатилетний мальчик Роджер Мэннерс, «дитя государства» (дети аристократов, у кого умерли родители) и “стажировался” у него до своих пятнадцати лет (1591). После пребывания Рэтленда за границей сотрудничество возобновилось. Бэкон был литературным наставником и Кристофера Марло (р. 1564 г.); после гибели молодого корифея Бэкон и Рэтленд завершили начатые тем исторические хроники. Это было прекрасной школой для юного Роджера, который получив во время учёбы в Кембридже прозвище «Потрясающий копьём», столкнулся при передаче пьес в театр с забавным совпадением: у одного из актёров второго плана оказалась похожая фамилия, кроме того он был одним из финансовых содержателей труппы. Рэтленд использовал совпадение для двусмысленного алтонима, литературного псевдонима, не догадываясь о его будущей всемирной славе. Секрета особого не было: все *свои* были в курсе. Как глава ордена Бэкон привлёк к коллаборации все поэтические силы РС Братства; то же самое было проделано в шутливой мистификации с Томасом Кориэтом: оба проекта демистифицируют друг друга. Интеллектуальный перепад между оригиналом и ряженым был настолько велик, что ёрническо-издевательские похвалы “поэту Вильяму из Стратфорда” или “великому путешественнику Томасу Кориэту” никого из современников не могли ввести в заблуждение. Но через век исторических

---

¹ Греч. *усия*.

потрясений Англия не смогла вспомнить первооригиналы и приняла куклы за портреты творцов. Вильям Шакспер был произведён в великие поэты, а Томас Коризэт – в путешественники и естествоиспытатели. Шуты почитались титанами мысли, отцами поэзии и наук. Это обычный морок профанности; в XX веке нравственные недомерки были во главе государств; их терпели, их обожали, им поклонялись.

Шесть подписей У. Шакспера

его опусы “наследнику” Зюсмайеру, хотя «Реквием» долгое время числился за ним. А ведь лупоглазый клоун из Стратфорда даже не Зюсмайер. Просто – *подставное лицо*. Вернее: *рожа* (заболевание толпы).

Теперь о том, как “унтер-офицерская вдова высекла самоё себя”.

Шесть или семь каракулей “грамотея” – всё его литературное наследие – точно соответствуют чучелу (Козьма Прутков провинциальной глухомани).

Когда же «стратфордианцы» (извините за непристойность) пытаются создать портрет автора «Гамлета», то получается вот что:

Шекспир за работой. Худ. Д. Фэд

Что удивляться? Свины ненавидят жемчуг и восстают, когда им дают его в виде пищи, уничтожая «метателей» как врагов народа. Штучники – их классовые враги, генетические антиподы. «В нас, *падах праха*, после улететь?!» Только слишком большая прижизненная известность Моцарта помешала приписать все

ФАНГОМ

Копна волос, бородка клинышком,
Улыбка, усики, жабо,
Духи, кадык, осанна, крылышки...
Слабо узнать его? – Слабо.

Таков встаёт из «Лиры», «Гамлета»,
«Отелло», «Макбета» для всех,
Кто мало-мальски дружен с грамотой,
Кто взглянет в том его, присев.

По кабинету книги – множество –
Святыня мага Просперо...
Ему всегда и вечно можется.
Камзол из бархата. Перо.

Он чист, опрятен, весь из прачечной. –
Па-де-Кале, О-де-Колон...
Да, да, здесь Калибан не спрячется –
Берлоги нету среди колонн.

Из текстов этот тип, из воздуха:
Осмыслен взор, аристократ;
Воображением воссозданный,
Всех утончённее стократ.

А между тем, в убогом Стратфорде
Надгробный памятник... – Кому?
Мордастый хрюндель, склад бесстрастного,
С мешком, столь дорогим ему.

Глаза пустые, рожа сальная, –
Здесь интеллект не ночевал...
Кровать похуже, хоть двуспальную,
Вдове он щедро завещал.

Деляга, ростовщик безжалостный,
Сутяга, пайщик, скопидом.
Чего изволите? Пожалуйста!
Барыш сперва, тоска потом.

Калач, конечно, тёртый, тот ещё –
Проныра, циник, прохиндей,
Колун, воображенье тощее,
Морг маргиналов, прах идей.

Граф Рэтленд с только что написанным
В театр, через служебный вход
Войдя, растаял за кулисами,
В актёрский влившись хриплый хор.

Между котурнов оживление,
Средь пыльных задников и тог...
Страдающий от ожирения
Считает в стерлингах итог.

Опять ему процент обломится –
Граф гордый денег не берёт,
А, с психологией обломовской,
Швыряет их, наоборот.

Плюс за использование имени,
Плюс мощный блат у короля...
Вот присосался, дурик, к вымени,
Баржою «Глобуса» руля!

Всё б ничего... но шквал немислимый,
Но славы слон, что сел на трон!
Он раздавил их Стратфорд мизерный
И заголил со всех сторон

В венках невидимого пайщика,
Судьбы необычайной пасынка.